

Дух Марса

Сергей Васильев

ФАНТАСТИКА

— Читай!

Я взял лист у Пашки и прочитал:

«От информагентства “Арес-ком”. Сегодня, в три часа дня по среднемеридиональному времени, в поселок Большой Сырт доставлен ровер “Спирит”, обнаруженный на Домашнем плато в кратере Гусева.

Ровер считается утерянным с октября 2012 года, когда его перестали фиксировать на снимках, выполняемых орбитальными марсианскими зондами. “Спирит” находился на поверхности планеты с начала 2004 года, выполняя научную миссию, рассчитанную на 90 геодней. Тем не менее научные задачи выполнялись до 2009 года, пока ровер не потерял пару колес и не увяз в песках. Не имея возможности вызволить аппарат из песчаного плена, НАСА в 2010 году признало “Спирит” стационарной научной станцией. Однако к концу 2011 года попытки восстановить связь с ровером прекратились.

После 2012 года никто не интересовался “Спиритом”, и вот, через семьдесят лет забвения, мы снова сможем воочию увидеть историческую технику, забытую на нашей планете землянами».

— Ну, прочитал, — сказал я, сворачивая листок в трубочку и возвращая его Пашке. — И что?

— Ты чего, не понимаешь? Совсем-совсем? Это ж наша история!

— Чего это наша? Наша с сорокового года начинается. А до этого — земная была.

— А вот и нет! Сам посуди: Марс — наш. Так? Значит, и всё, что на Марсе, — тоже наше.

— Да, наше. И что дальше? Где тут написано, что Земля хочет себе этот ровер вернуть? Не написано? Не написано. Ну и вот.

Пашка развернул листок, прочитал статью еще раз, перевернул на пустую сторону и попытался там найти хоть один внятный знак. Кроме логотипа фирмы по производству пластиковой бумаги, ничего там не было.

— Тьфу! — сказал Пашка и пугливо оглянулся.

Я поморщился: какой смысл выдвигаться, если и повода нет, и штраф впасть могут за растрату водных ресурсов.

— Нет, Коль, ты послушай, — продолжил Пашка. — Я ж совсем не то имею в виду. Представь: Земля обратно ровер не запросит. Он останется у нас. Понимаешь?

— Ну чего ты трюндишь? Толком объясни!

— Я и объясню! — Пашка начал сердиться. А когда он сердится, то просто непонятно, что говорит: со второго на третье перескакивает, слова проглатывает и вообще полное впечатление, что сейчас по башке стукнет и тут же убежит. Лучше его до такого состояния не доводить. — Новость официальная, так? Земля ответную петицию не предоставила, так? Значит, ровер теперь наш, марсианский. А вместе с ним и вся его начинка. Понял? Дошло?

Да, теперь до меня действительно дошло. Если он с 2004 года тут работал и, кроме колес, ничего не поломал,

значит, вся электроника — при нем. Песком его, конечно, в свое время основательно завалило. Но теперь обратно откопало. И есть куча шансов, что хоть какая-то часть оборудования в рабочем состоянии. В общем, считай, контрабандный товар, за доставку которого платить не надо.

— Так куда, говоришь, «Спирит» отправили?

— Не говорил я этого, — возразил Пашка.

Да только по нему сразу видно, что просто так он не стал бы мне это сообщение приносить.

— Ну, давай, колись!

— Куда отправили? В Исторический музей, куда же еще!

— И так победно на меня смотрит, будто он сам его из кратера Гусева до Большого Сырта на закорках притащил.

— В Исторический, значит. И что, уже можно на экскурсию идти?

— Нет, он совсем! — Пашка воздел руки, потряс ими по примеру Злобного Гомфри из голофильма «Восстание машин», когда тот призывал небеса упасть на головы бойцов Сопротивления, и упер их в бока. — Какая экскурсия?! Не тупи! У тебя ж там брат в отделе раритетов работает.

Ну да, есть такое. Хвастался, помню. Но это ж последнее дело — семейными связями пользоваться. Я Пашке так и втолковал. Еще когда он в первый раз удочку закидывал на предмет посещения музея в нерабочее время. Дескать, и народу там меньше, и больше всего посмотреть получится, и роботы, смотрители залов, не начинают выгонять за час до закрытия. Вот точно «тьфу» на него!

— Не пойду.

— Мы ж не для развлечения, чудака-человек! Мы ж для дела! Они ж там не понимают, какое сокровище у них есть!

— А мы придем и сразу им глаза откроем...

— Конечно!

Ну, я и согласился.

Вышли мы из-под жилого купола, взяли дежурный краулер и почесали через весь поселок. Сначала в сторону космопорта — по Центральной, а потом направо, к музею. Только не доехали. Сразу не получилось. Включилась рация и сообщила нам приторным голосом дежурной, что всем краулерам, не занятым плановыми работами, надлежит немедленно прибыть в квадрат 5-ВО с целью оказания помощи.

Пашка аж взвился:

— Чего у них случилось-то?! Мы ж опоздаем!

— А что бы ни случилось. Поворачиваем. — И я крутанул руль.

Пашка заткнулся, конечно. Это он сдуру ляпнул про опоздание. Еще бы. Если друг другу не помогать когда надо и только на спасательные команды надеяться, то и самому погибнуть недолго. Никто к тебе с помощью не придет и из зыбучего песка не вытащит. Вон, как Семена месяц назад из ямы-ловушки доставали. Спасатели к самому концу только подоспели, когда Семена уже на поверхность

вытащили. А у него баллон поврежден, еще минут десять, и можно было бы обратно в яму засовывать и памятник прямо на месте устанавливать...

Ну, едем в квадрат, а я всё думаю — что ж там такое? Наконец, вспомнил: антенна принимающая. Которая со спутников сигналы ловит. То есть если она сломалась, то мы слепы и глухи. Ни про погодные условия не узнаешь, ни про местонахождения отдельных граждан на поверхности, ни про взлет-посадку. А это грозит разными неприятностями. Сядет, например, какая-нибудь неуправляемая ракета со спутника, да прямо на голову. Веселого мало.

В общем, мы первыми приехали. Высадились, смотрим. И не видим ничего. То есть совсем. Управляющий пост песком так давно запылил, что он с поверхностью слился, тарелка по дну кратера распластана — ее только с бровки заметишь, а габаритные огни вообще нигде не горят.

— Энергию вырубил, — сказал Пашка. А то я сам не понимал! Пашка любит что-нибудь подобное ляпнуть, что и так всем ясно, а потом с гордым видом ходить, будто он всех умнее. Я отвечать не стал. Сразу действовать предложил, благо подходящее оборудование всегда на борту.

— Вынимай детектор. Будем обрыв искать.

Подняли мы аппарат, на песок выволокли и пошли вдвоем на сигнал — змейкой расходящейся. Чтобы уж наверняка обнаружить, с первой проходки. При таких делах на погоду не смотришь. И на часы — тоже. Ветер там или хищные перекасти-поле вокруг собираются — на всё плевать. Фигурально, конечно.

Пяти минут не прошло, как нас сменили. Вежливо, но настойчиво. Поблагодарили и отправили в поселок, чтобы взрослым под ногами не мешали. Тут не поспоришь: погрузились в краулер и обратно поехали. Сидим, молчим. И как-то беспокойно на душе, будто чего пропустили, а что именно — непонятно.

— Пашка, ты о чем думаешь?

Он еще помолчал, а потом так нехотя отвечает:

— Думаешь, почему обрыв был? Диверсия это. Что хошь поставлю — диверсия. Наверно, этот диверсант делишки в тайне решил обделать.

— Кстати, как думаешь, починили уже или нет?

— Послушай, что люди говорят.

Это он правильно напомнил. Я радио включил, и как по заказу тут же объявили, что неисправность устранена и всё в порядке. Но мы-то с Пашкой знаем, что не всё в порядке, да только кому докажешь? Решили пока на эту тему не распространяться. К тому же уже почти к музею подъехали.

Остановились, вошли. Рабочий день там еще не закончился, так что роботы пропустили без вопросов. Но нам же не в залы надо, а в служебные помещения. Тут как раз родственные связи и пригодились: пропускную карточку брата я еще прошлым летом скопировал, когда Пашка собирался зайцем в экспедиции к Олимпу участвовать. Еле отговорил его тогда. Но карточку всё равно снял — нечего где попало такие вещи разбрасывать.

По залам пробежались, служебную дверь отыскали, я карточку в ридер и сунул. Позвякало там, и замок отщелкнулся. Дескать, милости просим. Вошли, дверь за собой прикрыли, а куда дальше — непонятно. Мы ж никаких планов не рассмотрели. Да и нет их наверняка в свободном доступе. Свои-то всегда знают, куда идти. А чужим тут места нет. В общем, топотались мы у входа, туда-сюда дернулись, и я брату позвонил, Алексею.

— Леша! — говорю. — Выручай. Заблудились.

Он там чего-то промышал, и сразу на стене огонек-сопроводитель замигал. Мы вслед за ним и направились. Быстро дош-

ли, только не совсем понятно — куда. Помещение высокое, большое, только все сплошь какой-то рухлядью заставлено.

— Чего пришли? — спросил Алексей.

Ну не будешь же ему всякую лажу гнать. Пришлось о ровере рассказывать.

Леша покивал и подбородком в сторону двинул, чтоб за ним шли. Оказалось, он как раз песок и пыль из ровера удалял, когда мы заявились.

Пашка сразу про все забыл, к машине кинулся, чуть ли не обнимает ее. Руками щупать боится, а так, по воздуху, оглаживает и чего-то нежное приговаривает. Совсем умом тронулся.

— Это он чего? — спросил меня Леша.

— Не знаю. Я вообще не очень понимаю, что Паша хочет со «Спиритом» делать.

— Так спросить надо.

— Паша, — спрашиваю, — какие у тебя планы-то? По отношению к роверу?

А он внимания на вопросы не обращает, только знай талдычит:

— Камеры! Микроскоп! Спектрометры! Интерферометр! Ух ты!

— С чего ты взял, что это они?

— С того. Литературу читать надо. Техническую. — И сморщил нос, будто я только художественной увлекаюсь. Да у меня технических текстов раза в два больше, чем у него!

Тут Алексей за меня вступился:

— Нет, это не они. Всё это на выносной штанге крепилось. Штанга утратилась. Хотя передний манипулятор еще на месте. Давайте-ка его посмотрим — там тоже кое-что интересное было.

Посмотрели. Вынули из корпуса, протестировали, обратно смонтировали. Манипулятор смазали, продули от пыли, цепи проверили. В общем, состояние вполне рабочее. Если не считать, что фотоэлементы, которые были сверху установлены, полностью песком счищены и, ясно дело, не работают. А аккумуляторы в единую массу спеклись.

— Хорошо. — Леша руки вытер. — Так из-за чего весь сыр-бор?

Тут Пашка и рассказал свою идею об использовании инопланетных технологий. А то, что они старые, так ничего и не значит. Старое, оно завсегда надежнее нового, потому как временем проверено.

Леша засмеялся:

— Если б люди тебя, Паша, слушались, никакого прогресса бы не было. Так и жили бы в пещерах, охотились на мамонтов, а единственным оружием труда оставалась бы дубинка.

— Между прочим, мамонтов как раз человек и истребил. Как потом многих других животных. С помощью оружия, кстати. Которое во имя прогресса вашего изобрел, — обиделся Пашка.

— Ладно, Паша. Нужен ровер — бери. Только, сам понимаешь, для научной деятельности. Не забудь потом отчет написать. А ты, Коля, проследи, чтоб всё нормально было, — и подмигивает мне.

Ну, ясно дело, прослежу. Пашка всегда сначала чем-нибудь загорается, а потом запал у него проходит и ему уже неинтересно возиться. Тут его и надо пинать, чтоб не отлынивал. Пока получалось.

В общем, погрузили ровер в краулер и домой ко мне отвезли. У Пашки вечно проблемы со свободным пространством.

Поставили «Спирит» на стенд и стали каждый агрегат последовательно тестировать — узел за узлом, связь за

связью. Здесь важно не нарушить ничего, а то все труды могут насмарку пойти. Обидно будет.

И какая-то мне несуразность во всем этом чудится. И через час меня вдруг осенило. Это ж не современная техника, защищенная от преднамеренного взлома! Это ж такое старье, что тогда и законов лицензионных еще толком принято не было. Я свои соображения Пашке тут же и выложил.

— Нет тут никаких пломб! Сам смотри. И автоуничтожение при вскрытии не предусмотрено. Это тебе не нынешнее время. Тогда никто от марсиан технологии не скрывал.

— Марсиан не было, вот и всё. А то бы наверняка тепловую бомбу подложили.

В общем, дорвались мы до земных технологий, никаких лицензий не приобретаая. Не знаю, как Пашка, а я себя древним пиратом почувствовал, которые в начале века бесплатный контент скачивали и от полиции в метро прятались. Так у них так подземелья назывались.

Теперь лишь бы понять, как это работает и как его в наших условиях производить. С работой мы с Пашкой быстро разобрались, когда сюрпризов опасаться перестали, а вот с производством — нет. Всё из-за нашего скудоумия, как мне отец говорит. Надо было кого-нибудь поумнее на помощь звать.

Вот мы из комнаты выбрались и остановились обсудить — куда сначала идти. Или лучше не идти, а сразу Леше звонить, сказать, что не справились. Сошлись, что лучше с братом сначала поговорить, а там уж что он посоветует. Позвонил я ему, вызвал, и тут сзади голос какой-то незнакомый:

— Эй, парни!

Мы с Пашей обернулись. Перед нами стоял типичный геомэн. Ну, просто типичнейший! Как их в комиксах рисуют, разве что только без шляпы. Низенький, полный, круглый, что твой колобок, и обильно потеющий. Белый костюм с множеством карманчиков и огромный клетчатый платок, которым он вытирал то лицо, то лысину. Хорошо хоть, не сморкался, а то бы нас враз вывернуло.

— Гы! — сказал Пашка и чуть не показал на это чудо пальцем.

— Меня зовут Энтони Смит.

Тут Пашка чуть было опять не сказал свое «гы», да я его толкнул: пусть и геомэн, а правила вежливости все равно соблюдать надо.

— Я к вам по делу, — продолжил этот Смит и замолчал.

Стало быть, ждет, когда ему ответят. Что-нибудь этакое, вежливенькое. Я кашлянул и тоненьким голоском выдал:

— Как поживаете, мистер? — Вроде бы так к жителям Земли обращаться надо. Угадал.

Смит расцвел весь, заулыбался, будто родственников встретил и продолжил:

— Спасибо, дела в порядке. Что же касается сегодняшнего... В общем, так, парни. Дошли до меня сведения, что вы «Спирит» обнаружили.

— Не, не мы! — прервал его Пашка. — Ареодезисты. Они его в музей доставили. А мы так, по знакомству...

Пришлось Пашку опять толкать, а то ведь всё выложит этому геомэну.

— Не важно, кто доставил. Важно, что он теперь у вас, — и выжидающе так на нас смотрит. А сам лысину платком вытирает. Очень меня его платок нервирует.

— Да, у нас, — осторожно подтвердил я, — мы на него расписку в музей оставили. А вам-то, мистер, что за дело?

Вежливо так ответил, даже загордился.

— Мне такое делою — Смит чуть запнулся, но все ж продолжил: — Продайте его мне, парни.

У Пашки челюсть и отвисла. Наверно, и у меня выражение было ничуть не лучше, жаль, зеркала рядом не оказалось, чтоб его в норму привести.

— Это как, — говорю, — продать?

— Просто! Я вам плачу. Заметьте, кругленькую сумму. А вы передаете мне все права на ровер.

— А он вам зачем? — не удержался Пашка от глупого вопроса, за что тут же в бок получил.

— Хороший вопрос! — похвалил Смит. — Сейчас объясню. Понимаете, я коллекционер. Собираю раритетную космическую технику. В коллекции у меня много чего есть. Даже спускаемая капсула «Востока», на котором первые космонавты летали. А ровера — не хватает. «Опотьонити», который «Спириту» почти идентичен, у Хауса в коллекции. Вы его не знаете, наверно. — Смит махнул рукой. — А если бы знали, то сразу же поняли, что получить от него ровер шансов нет. А тут — находка «Спирита». Удача! — говорю я сам себе и лечу на Марс. Узнаю, у кого сейчас ровер, и вот я здесь!

— Мистер, — Пашка все же вспомнил, как обращаться к геомэнам, — а что вы с ним потом делать будете? Если получите?

— Не если, а когда. — Смит наставил на Пашку толстый палец, как дуло пулевого пистолета, я даже вздрогнул, и объяснил: — Я его отремонтирую, заменю утраченные или испорченные детали и поставлю на приличествующее ему место. А такое место у меня уже давно подготовлено, можете не сомневаться.

— И все будут на него смотреть?

— Почему все? — пожал плечами Смит. — Те, кому это интересно: мои гости, мои родные, мои друзья.

— Пашка, помолчи! — оборвал я друга, едва увидев, что он опять хочет чего-то спросить. — Вам же, мистер, ответ простой: «Нет!»

Смит приветливо кивнул:

— Конечно, конечно! Я же не назвал вам цену! И так, внимание! Пятьдесят тысяч евро!

Мы с Пашкой недоуменно переглянулись.

— Ах, да, меня же предупреждали, что нормальные деньги у вас не в ходу. В какой валюте предпочитаете? Сейчас мы пробьем курс по Глобал-банку...

— Он не продается, мистер. Совсем не продается.

— Печально, — говорит Смит, а сам улыбается. — Только сомневаюсь, что два таких взрослых парня ничего не знают о товарно-денежных отношениях между нашими планетами.

Что взрослые — это он прав на сто процентов. Мне уже семь, совершеннолетний, считай. Да и Пашке столько же. А про товарно-денежные отношения я не понял. Ну, торгует Земля с Марсом, а Марс с Землей — и что?

— Я ж вам про другое... — И чувствую, что слов не подобрать. Да и зачем мне с этим геомэном время тратить? Дел невпроворот, а мы застряли.

Тут как раз Алексей подошел. И сразу в разговор вмешался. Это он вовремя, а то я уж и не знал, что этому Смити отвечать.

Леша увидел, в какой оборот мы попали, кашлянул для приличия и тему продолжил:

— Давайте, я растолкую. Вся собственность на Марсе — общественная. То есть принадлежит всем людям в равной мере. Кстати, и вам сейчас — тоже. Следовательно, нельзя распределить собственность таким образом, чтобы у кого-то одного было больше, чем у других. Потому что для этих других может вовсе не хватить жизненно важных ресурсов: воздуха, воды, пищи... Понятно?

— Всегда есть излишки, — не отступал Смит. — Их нужно как-то перераспределять и использовать. Почему они не могут скапливаться у кого-то одного? самого умного, предприимчивого, ловкого, достойного?

— Жадного, — добавил я.

Алексей поднял раскрытую ладонь, призывая к молчанию, и я тут же заткнулся.

— Излишков не бывает. У нас слишком мало ресурсов. Да, есть запас на непредвиденные случаи, но это — другое дело.

— А-а! Понял! — Мистер Смит просиял. — Все вокруг народное! Но если не хотите личного обогащения, я могу выплатить в этот ваш фонд непредвиденных расходов. И даже не деньгами, а сразу необходимыми ресурсами. Что вы предпочитаете? Воздух? Воду? Пищу?

— Мы предпочитаем, чтобы «Спирит» остался у нас, — поставил точку Алексей.

— И какая вам в нем польза?

Тут любой бы терпение потерял, даже я. Ну, не сечет этот геомэн элементарных истин, что с него взять? Достаточно их дебилные телешоу посмотреть, чтобы понять, вокруг чего все их мысли крутятся. Если честно, я бы плюнул на Смита и ушел, пусть штраф выписывают. Но брат не таков. Он даже не вздохнул, когда пришлось в десятый раз одно и то же объяснять.

— После того как Марс объявил о независимости, очень многие на Земле хотели ее уничтожить. Да и сейчас хотят. Военные методы были признаны негуманными и малоэффективными. Поэтому против нас применили исключительно экономические санкции. В надежде, что мы быстро сдадимся. Просчитались, конечно. На Земле часто недооценивают решимость колонистов обрести независимость. Тем не менее всё, что доставляется с Земли, облагают огромными пошлинами. А наши товары покупаются по спецтарифам. Поэтому задача — перейти на полностью замкнутый цикл. Чтобы все, необходимое для жизни, производить здесь, на месте.

— Тогда чем вам может помешать небольшое частное вливание в ваш бюджет?

— Зависимостью. Нет, не материальной. Психологической. Один раз запросивши помощи, не откажешься и от второго, и от третьего раза. А там — прощай независимость. Так что до свидания, господин хороший. Вы ж сюда по туристической визе прибыли? Не по дипломатической? Поэтому осматривайте достопримечательности, сходите в музей, полюбуйте на Олимп в непосредственной близости.

Смит фыркнул, резко повернулся, еле удержавшись на ногах, и широкими шагами запрыгал от нас подальше.

— Чего ж ты ему о пользе ровера не рассказал?

— А ты сам ее как понимаешь? — Алексей потрепал меня по голове.

— Технологии, историчность, еще что-нибудь?

— Все так. Но главное — в другом. «Спирит» — он же часть общества. В нем — наш дух. Так же, как и в первых орбитальных станциях. В людях, которые первыми ступили на этот песок. Которые строили наши купола. Которые стали здесь жить. И которые добились независимости. Он — это мы. А мы — это он.

Сильно брат сказал. Я бы так не смог. Конечно, чувствую я то же, что и он, но вот выразить словами — никак не могу. Для этого особый талант нужен.

Избавились мы от геомэна и к насущным делам вернулись. То есть к исследованиям ровера. Алексей хорошо помог — подсказал, где информацию искать, как с ней удобнее работать, и ушел. Мы с Пашкой компьютер «Спи-

рита» включили и стали потихоньку исследовательские программы по нему прогонять. Допоздна засиделись. Нам электричество и отключили — мы суточный лимит весь выбрали. Сидим в темноте, планы на завтра строим, расходиться неохота. Потом чего-то замолчали, задумались, не иначе.

И вижу вдруг: какой-то посторонний силуэт движется.

Просто сюрреалистическая картина. В полной тишине, при свете синей аварийной лампы въезжают два робота-погрузчика и направляются прямо к роверу. Приподнимают его и везут к выходу. Типичное похищение. Точнее, кража, если в юридических терминах. Задача любого — кражу предотвращать. Особенно если этим роботы занимаются. А как робота остановить — любой младенец знает. Нужно блокиратор на задней стенке корпуса повернуть, робот сразу же и обесточится. Я к одному роботу, Пашка — к другому, а блокиратора-то и нет! Отсутствует! Едрена вошь! Это что ж за роботы такие?!

На эту тему можно было б долго размышлять, всякие предположения строить, да некогда. Унесут же ровер, не поморщатся! Тут не до сантиментов: надо пломбу срывать. Лучше всего на двигателе. Ищу я пломбу, на бегу корпус ощупываю, а ее и нет! Ни одной нет! То же и у Пашки. Он как закричит:

— Это чужие роботы!

У меня сразу просветление наступило. С Земли эти роботы. Их Смит контрабандой доставил, без документов, чтобы ровер у нас стянуть. И ведь получится у него, если роботов не задержать. Они уже у двери. Еще чуть-чуть, войдут в шлюз и на поверхность выберутся.

Пришлось хватать что попало и в колесо пихать. Да только это совсем мало помогло, потому что у них микродвигатели прямо на оси каждого колеса стоят. Тогда я другую штуковину схватил и — хрясь ближайшего робота по башке! Не подумал. В голове у него, кроме дополнительных окуляров и камер, ничего больше нет. К счастью, я это сразу сообщил и еще раз ударил. Нет, не по роботу. По аварийной системе закрывания шлюза.

В общем, замуровался. Роботы еще в дверь подергались, открыть не смогли, ровер поставили и разошлись, чтоб выход найти. Ну, пусть ищут, а я точно знаю, что он у нас единственным был.

Пришлось звонить, ситуацию обрисовывать и помощи просить. Спасательная группа с нейтрализаторами быстро прибыла, я даже не успел как следует с Пашкой поругаться. А вторая группа поехала Смита забирать с космодрома, как контрабандиста и похитителя.

У него потом всю незадекларированную технику реквизировали, спутник, с которого он к нам слетел, на поверхность опустили, штраф вписали, согласно закону, и на Землю отправили. Зачем нам здесь такое чудо?

Так он напоследок учудил. Сначала много ругательных слов наговорил, а потом взял и плюнул прямо на пол. Ему тут же и объявили, что он больше не въездной. В соответствии с законами независимого Марса. Смит пренебрежительно фыркнул и улетел на Землю.

И вот точно я знаю: ничего он не понял. Вот ничегошеньки.

Не в деньгах дело. У них же там, на Земле, все продается и покупается, даже совесть. Потому что слишком богатые.

У нас — иначе. Поэтому они нас и не понимают.

